

Е. В. Яковлева

Специфика референции личных местоимений испанского языка

В статье рассматриваются различные аспекты референции испанских личных местоимений. Автор уделяет особое внимание референтным и нереферентным ситуациям. Это разделение является важным для понимания смысла предложения.

Ключевые слова: референция, личные местоимения, транспозиция.

E. V. Jakovleva

Specific Character of the Reference of Spanish Personal Pronouns

This article deals with various aspects of reference of Spanish personal pronouns. The author pays special attention to the referential and non-referential situations. This division is important to understand the meaning of the sentence.

Keywords: reference, a personal pronoun, transposition.

В настоящей статье рассматриваются референциальные особенности личных местоимений испанского языка, причем уделяется внимание как сложным случаям референции, так и нереферентным ситуациям.

Описание различных сторон функционирования личных местоимений (ЛМ) представлено как в различных грамматиках [см., например, 9, 10, 20], так и в специальных исследованиях, посвященных местоимениям [13, 16, 18, 22 и др.], в которых описаны система ЛМ, их употребление, различные оттенки смыслов.

Вместе с тем, необходимо принять во внимание то, что личные местоимения обладают как явными семантическими составляющими, так и скрытыми. Такие скрытые, неявные значения ЛМ изучены недостаточно; лишь в последнее время, в связи с переходом от жестких структурированных описаний к более мягким, учитывающим многовариантность естественного языка, они стали привлекать внимание. В частности, можно указать на работы последних лет по изучению скрытой семантики *я* на материале русского языка [8, с. 147–187]. Для адекватного понимания современного состояния языка мы должны, как представляется, основываясь на основных лексикограмматических свойствах местоимений, выявить причины, связанные со скрытыми семантическими потенциалами местоимений, поскольку из скрытых, не всегда очевидных элементов значений, неявно выраженных намеков и непрозрачных прагматических значений может складываться смысл высказывания. Без учета референциальных

свойств местоимений указанную задачу решить невозможно.

Личные местоимения служат прежде всего для осуществления индивидуальной референции, при этом выделяются различные ее подвиды, связанные с различными типами соотношений с референтом-лицом: прямые и косвенные, прямые и опосредованные. Эти типы характерны, прежде всего, для осуществления соотнесения с первым и вторым лицом, которые являются лицами речевыми. Выделяется также особый вид референции, связанный с необходимостью обслуживать отношения, возникающие в диалоге – это адресная референция.

Адресная референция возникает для обслуживания в первую очередь интерперсональных отношений. В таких случаях референция реализуется в ситуации обращения для передачи социально-ролевого аспекта отношений «автор высказывания – адресат». При этом особую значимость приобретают социально-прагматические аспекты коммуникации. На грамматическом уровне мы видим императив, при помощи которого выражается приказ, указание, призыв, мольба и т. п. Адресная референция может пониматься и значительно шире, чем простая коммуникация между собеседниками. Мы наблюдаем адресную референцию в диалоге с самим собой, с предметами, с миром и вселенной. Особенную значимость имеет этот вид референции в поэтическом тексте. И. И. Ковтунова говорит о наличии адресной речи в поэзии [4, с. 4], при помощи которой лирическое «я» говорящего оказывается включенным в свое-

образный игровой диалог с теми фрагментами реальной действительности, которые по замыслу автора имеют особую значимость.

Специфической особенностью референции личных местоимений в испанском языке является наличие значительных расхождений между их функционированием и референцией в письменном и устном дискурсе [11, с. 29 и сл.]. Отметим, что ЛМ во всех видах дискурсов, как и другие разряды именных слов, могут употребляться референтно и нереферентно.

Важным для понимания референтного употребления является понимание природы ЛМ и основных противопоставлений, организующих эту категорию. Ряд специалистов указывают на заместительную функцию ЛМ [15, 23], при этом ЛМ оказываются почти лишенными своего собственного содержания. Мы не придерживаемся этой точки зрения, полагая, что вся система референции и транспозиции основана на осознании своеобразия семантики местоимения. Вслед за К. Е. Майтинской мы рассматриваем ЛМ как систему, противопоставленную по следующим семантическим признакам: 1) по участию в беседе; 2) по расстоянию; 3) по видимости / невидимости; 4) по признаку субъективной оценки и общественных отношений [5, с. 148–151]. Для осуществления референтного использования важным оказывается также противопоставленность говорящего лица другим лицам.

Основанием для разделения референтного и нереферентного использования ЛМ служат следующие показатели:

- 1) наличие/отсутствие фокусировки референта в денотативном пространстве;
- 2) характер временной координаты;
- 3) характер пространственной координации.

В следующих высказываниях местоимение используется референтно, причем отмечается различное временное соотношение: в (1) имеется длительное прошедшее время, в (2) используется настоящее, но и в том, и в другом случае временной отрезок представляется автором как реально существующий, протекающий в определенном временном срезе. Кроме того, отмечается еще одно совпадение: и в (1), и в (2) имеется определенный референт – говорящее лицо.

(1) *Yo hacía mi trabajo. — Vivo de esto. Y en aquella época, ella era nadie. Imposible imaginar [27, с. 266]. — ‘Я просто делал свою работу. У меня такая работа. А она в то время была никем. Просто трудно себе представить’.*

(2) *La vieja de las verrugas también gritó: - Yo me voy. Da lo mismo estar acá o al otro lado del río. — ‘Старуха с бородавками закричала: ‘Я уйду. Все равно, где быть, здесь или на другой стороне реки’.*

Отметим, что референт, соотносящийся с говорящим лицом, получает различное материальное воплощение. В примере (1) в первом высказывании имеется местоимение, в то время как во втором автор местоимение не использует – первое лицо выражается только при помощи глагольной флексии (*vivo de esto*). В первом случае имеется выраженная концентрация внимания на индивидуальности говорящего – это эмфатическое употребление местоимения *yo*. При таком употреблении возникает дополнительный подтекст, который может быть сведен к следующему: «Я не виноват; я здесь не причем, это ситуация меня заставила вести себя подобным образом».

В примере (2) местоимение первого лица употребляется в связи с имплицитным противопоставлением говорящего и остальных, и здесь также возникает интерпретация: «Я уйду, а вы можете оставаться». Кроме того, в данном случае имеется выраженная пространственная координата (*acá o al otro lado del río*), которая важна для всего понимания высказывания, поскольку выступает в качестве причины поведения автора высказывания. В связи с наличием дополнительной информации можно предложить несколько вариантов перевода: ‘Что касается меня, то я уйду’»; ‘Не знаю как вы, а я уйду’. При таком эмфатическом использовании местоимения обнаруживается наличие скрытой дополнительной информации, причем эта информация достаточно расплывчата, зависима как от конкретного контекста, так и от общего фонда знаний читателя. Смысл предложения складывается, таким образом, из двух компонентов: очевидного поверхностного уровня и дополнительной интерпретации.

Известно, что использование или пропуск подлежащего-местоимения (нулевое местоимение) в высказывании (или в предложении) представляет собой сложный вопрос, не получивший своего окончательного решения [6, 22, 11]. Выделяется ряд факторов, влияющих на использование или пропуск ЛМ: положение ЛМ, семантика высказывания (здесь особую значимость представляют глаголы говорения, движения, клятвы), изменение топика и ролей в диалоге, времена глаголов и некоторые другие.

При референтном использовании ЛМ отметим существенность следующих факторов:

а) специфическое маркирование референта в денотативном пространстве, при этом в большинстве случаев референт оказывается сфокусированным в денотативном пространстве;

б) понимание времени как реального процесса, соотносящегося с различными временными планами;

в) возможность точной пространственной локализации.

Для анализа нереферентного использования ЛМ проанализируем функционирование местоимения второго лица *tú*. Известно, что в конкретном высказывании это местоимение может по-разному соотноситься с референтом, при этом его лексическое значение (обозначать слушающее лицо, то есть адресата) может получать или не получать реализацию. Здесь различаются несколько ситуаций, причем важен как характер референции, так и общий контекст.

Во-первых, это местоимение может однозначно соотноситься с адресатом, например: *Lucinio, amigo, tú también eres protagonista en este libro* Луцинио – ‘Друг мой, но и ты тоже действующее лицо этой книги’. Здесь *tú* соотносится с адресатом высказывания, тем самым автор создает атмосферу дружеского общения. Отметим, что в данном случае мы видим адресную индивидуальную референцию, которая создается при помощи трех элементов: (1) прямого соотнесения с адресатом высказывания на основе семантики ЛМ, (2) созданием конкретной временной координаты – настоящего момента сказывания, (3) созданием условной пространственной координаты – это условное пространство книги. Таким образом, в случае индивидуальной референции имеется лицо, локализованное во времени и пространстве.

Во-вторых, имеется возможность использования местоимения второго лица, которое не имеет в качестве референта адресата.

Hasta que te llegaba el día de hablar tú, de leer tus prosas, tus poemas, tus escritos de pensión en una de aquellas tertulias grandes o pequeñas, en uno de aquellos salones hondos y rojos, vacíos y funerarios, y entonces comprendía uno la inadecuación infinita que había entre las cuartillas tímidas escritas en la alta noche y aquella gloria convencional, escayolada y llena de huecos que nos esperaba [28, с. 48]. – ‘И вот, наконец, наступал тот день, когда ты должен выступать, читать свою прозу, свои поэмы, то, что ты создал, живя в пансионе, декламировать во время тех собраний в одном из тех салонов, гулких, в красных тонах, навевающих мысли о погребении, и тогда ты понимаешь бесконечное не-

соответствие между скромными листочками, испещренными в полуночный час и той славой, которая нас ожидала’.

В данном фрагменте местоимение *tú* не соотносится со слушающим лицом – оно скорее относится к миру говорящего лица, его размышлениям и внутреннему состоянию. Фрагмент представляет собой воспоминания о некоторой типизированной ситуации, в которой, по всей вероятности, не раз участвовал автор повествования. На это указывает точное описание места (салона): автор приводит, словно вспоминая, и цвет, и те ощущения, которые ассоциируются с данным местом (*salones hondos y rojos, vacíos y funerarios*). Таким образом, описываемое пространство оказывается окрашенным личностными переживаниями говорящего индивида. Но конкретное описание места приходит в некоторое противоречие с множественным числом существительного (*salones*), что дает основание говорить о повторяющихся ситуациях, о типизированности всего описания.

Интересным оказывается то, как описывается сама ситуация: она рисуется не как нечто конкретное, произошедшее или происходящее, но как некоторое типичное положение, в котором может оказаться любой человек. (Для конкретной ситуации было бы нормативным использование форм *llegó el día, comprendió* вместо *llegaba, comprendía*, использование Imperfecto в данном случае придает действию оттенок незавершенности и повторяемости.)

Отметим четкую локализацию в пространстве, с одной стороны, и специфический характер времени, имеющий оттенок нереального медленного течения – с другой. Подобное контекстуальное окружение не позволяет представить соотношение с конкретным слушающим лицом. Референт мыслится как лицо, не имеющее точного обозначения, с одной стороны, и типизированное (или генерализованное) – с другой. Отметим также зыбкость границ определенности, которая поддерживается дальнейшим контекстом, где используются местоимения *uno* и *nos*. Референтом является некоторое типичное неопределенное лицо, за которым может скрываться и говорящий, и любой другой человек. В случаях описания эмоциональных состояний можно говорить о трудности разграничения между генерализованным (обобщенным) значением и неопределенным. Исследователями отмечается стремление говорящего представить свое личное состояние как обобщенное, типичное для всех: «И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить

его напоказ перед всеми, тем охотнее он облакает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повествованием, чем при чисто личной форме», – писал А. А. Пешковский [7, с. 375–376]. Рассматривая эту проблему на материале русского языка, В. А. Белошапкина отмечает, что «в реальных текстах не всегда четко различаются высказывания с определенно-личным и обобщенно-личным значениями. Это наталкивает на предположение о том, что, по-видимому, существует позиция нейтрализации противопоставления определенно-личности и обобщенно-личности» [1, с. 57]. В подобной ситуации однозначным можно признать отсутствие естественного и прямого указания на референт.

Мы рассматриваем такое употребление местоимения *tú* как нереферентное, поскольку отсутствуют два основных показателя референтности: во-первых, отсутствует прямое соотнесение с референтом-слушающим; во-вторых, течение времени представлено как нереальное. Мы отмечали своеобразное представление о течении времени, которое автором представляется как феномен нереальный, существующий как некое воспоминание в воображении. В случаях, связанных с описаниями внутренних эмоциональных состояний, можно говорить об элементе генерализации с тенденцией соотнесения с первым лицом.

Обращает на себя внимание факт связи между характером индивидуальной референции и контекстуальными особенностями высказывания. В высказываниях, имеющих в своей основе описания внутреннего психологического состояния говорящего, характер выражения референта может быть разнообразным: прямым (используется местоимение *yo*) и косвенным (возможно использование местоимений *tú, uno*).

В данном случае референция имеет следующие характеристики: (1) соотнесение с некоторым лицом, за которым угадывается говорящий; (2) временная координата не имеет соотнесения с конкретным временным отрезком – время оказывается представленным как нечто нереальное; (3) пространственная координата выражена, имеет обобщенный характер. Хотелось бы подчеркнуть, что в данном случае для понимания высказывания важным является понимание отсутствия связи с конкретной референциальной ситуацией.

В следующих примерах также отсутствует прямая связь с референтом, однако, на наш

взгляд, характер референции отличается от предыдущего примера:

...*Dentro de eso está la hombría: tradicionalmente era el hombre el protector a la mujer, cuando tú tienes que proteger, tú creces ... cuando tú eres responsable, cuando tú te haces responsable, tú creces ... internamente* [26, с. 176];

Si tú sumas la velocidad del paracaídas con la velocidad del ... del viento, vas a una velocidad equis, ¿no? [26, с. 252].

Местоимение *tú* в качестве референта имеет некоторое неопределенное лицо, причем, какое именно лицо «стоит» за *tú*, не представляет интереса – описанные действия может совершать любое лицо. Здесь важен характер действия, которое осуществляется, и, поскольку речь идет о математических вычислениях, оказывается непринципиальным, кто осуществляет их, поскольку кто бы ни производил описываемые действия, результат всегда будет одинаковым. В данном случае можно произвести замену местоимения *tú* на местоимение *nosotros*, при этом смысл высказывания не изменится: референт по-прежнему будет представлен как неопределенное лицо. Отличие данных примеров от предшествующих состоит в отсутствии намёка на связь с первым лицом.

Референция в данных примерах имеет следующие характеристики:

– местоимение второго лица не имеет соотнесения со слушающим лицом, референтом является лицо неконкретное, неопределенное, не представляющее интереса для адресата;

– настоящее время не связано с моментом произнесения, оно имеет вневременной характер;

– пространственная координата представляется не выраженной.

При указанных условиях (конфликт между лексическим значением местоимения и референтом, находящимся в денотативном пространстве, отсутствие определенности локализации во времени) использование местоимения нами рассматривается как нереферентное. Нереферентное использование необходимо отличать от явления транспозиции.

Подводя итог, можно отметить разнообразные оттенки в использовании ЛМ *tú*, возникающие при нереферентном использовании: от максимально неопределенного до близкого к значению первого лица.

Особенностью индивидуальной референции на материале личных местоимений является возможность отсутствия однозначных отношений между местоимением и соответствующим референтом.

Существуют разнообразные причины лингвистического и прагматического характера, которые обуславливают возможности использования нескольких местоимений при соотнесении с одним и тем же референтом. Таким образом, возникает смысловой сдвиг в отношениях между местоимением и референтом. При транспозиции – использовании одного местоимения вместо другого – возникают разнообразные дополнительные значения: скромности, возвышенности, отчужденности, иронии и др. При этом важно то, что такие значения закреплены в языковой системе языка. Проиллюстрируем это явление более подробно, подчеркивая необходимость контекста, в котором осуществляется реализация связи «местоимение → референт».

Обращая внимание на разнообразие возможностей у местоимения *nosotros*, мы отмечаем следующие варианты сдвигов референции: (1) *nosotros* вместо *yo*; (2) *nosotros* вместо *tú*; (3) *nosotros* вместо неопределенного множества. При этом дополнительные значения, возникающие в этих стандартных ситуациях, различаются.

Различные специалисты (ср., например, К. Бюлер, Г. Гийом) выделяют две разновидности первого лица множественного числа: инклюзивное и эксклюзивное: «В нашей речи тоже имеется функциональное различие между случаями, когда отправитель включает в мы получателя, и случаями, когда он исключает его и, возможно, прямо причисляет его к другой партии, – партии они» [2, с. 129]. В испанском языке различаются два значения у местоимения *nosotros*: в первом случае *nosotros = yo + tú* (инклюзивная форма), во втором случае *nosotros = yo + некоторое третье лицо*.

В собранном нами языковом материале наблюдается замена местоимения *yo* на *nosotros* или *nosotras*, причем такого рода транспозиция квалифицируется как стандартная и нормативная. Такой сдвиг в референции вызывает появление разнообразных стилистических значений.

Обращает на себя внимание специфика функционирования авторского *nosotros* в тексте художественного произведения, научного исследования. На нежелательность использования местоимения первого лица в начале произведения указывает Г. Мартин Вивальди: "...conviene eliminar siempre que se pueda, al principio de un escrito al enfático yo" [17, с. 145]. Употребление местоимения первого лица приводит к неоправданному возвышению автора произведения, к возникновению повелительного тона. В научном тексте подача материала не от первого лица оказывается

типичной. Цель подобной транспозиции состоит в создании элемента объективности при рассмотрении каких-либо явлений.

Частотность транспозиций и сдвига референции в подобных референциальных ситуациях приводит к фиксации в словаре особого значения у местоимения *nosotros*: "como plural de modestia, suelen algunos autores aplicarse este pronombre en vez de yo" [25, с. 1354]. Авторы словаря полагают, что для создания доверительных и симметричных отношений с читателем необходимо использовать "el plural de modestia". В то же время при использовании множественного числа автор как бы снимает с себя часть ответственности. С. Хили и Гайя пишет в этой связи следующее: "...nosotros representa a un sujeto singular en el plural de modestia, cuando el que emplea, por ejemplo, un escritor al hablar de sí mismo, diluyendo en cierto modo la responsabilidad de sus palabras en una pluralidad ficticia: nosotros creemos, en vez de yo creo" [14, с. 229].

Выделяется тип транспозиции, близкий к описанному ранее явлению, но имеющий в своей основе иную направленность: использование местоимения первого лица вместо третьего в тех случаях, когда действие осуществляет не сам говорящий. Такого рода индивидуальную референцию мы предлагаем также рассматривать как ассоциированную, например: *Yo tengo que operar a mi hermana Alicia* [19, с. 134]. – 'Я должна сделать операцию моей сестре Алисии'. Ясно, что оперировать будет врач, говорящий не будет непосредственно осуществлять действие, однако, рассматривая всю процедуру широко, мы понимаем, что говорящий все же участвует косвенно в этом процессе (он будет принимать участие в уходе за больной, вместе с больной будет обсуждать с врачом все проблемы, связанные с данной ситуацией, и т. п.). Другими словами, говорящий не осуществляет непосредственно саму операцию, но участвует косвенным образом в этом действии. Отметим, что такого рода высказывания «привязаны» к месту и времени, кроме того, адресат имеет сформированное представление о предмете разговора. Иными словами, в данном случае важную роль играет дополнительная информация, проистекающая из коммуникативной ситуации общения и общих знаний собеседников. Можно привести иные примеры, сходные с предыдущим, в которых имеется расхождение между значением местоимения и референтом:

Yo estoy pinchado, Nosotros estamos cerrados hasta... [19, с. 136]. – 'Я проколот, Мы закрыты до ... (надпись в магазине)'. Очевидно, что проколото

колесо у машины, а закрыт магазин. На наш взгляд, такие примеры можно рассматривать как своеобразную метонимию, так как говорящий рассматривает свой автобус как свое продолжение, а понятие «магазин» включает в себя и торговый зал, и работающих в нем людей.

Таким образом, в приведенных примерах имеет место своеобразная метонимическая замена. Отметим наличие точной локализации в пространстве и во времени.

Подводя итог проведенному анализу, подчеркнем, что характер индивидуальной референции оказывает значительное влияние как на понимание в целом высказывания, так и на формирование дополнительных стилистических и прагматических значений. В современном испанском языке отмечается существование различных по своему характеру транспозиций (языковых и речевых), при наличии которых адресат высказывания должен осуществить дополнительную интерпретацию для адекватного понимания.

Библиографический список

1. Белошапкина, В. А. Общность семантического наполнения нулевых позиций субъекта и объекта в русском предложении [Текст] / В. А. Белошапкина // Русский язык за рубежом. – 1987. – № 2. – С. 55–58.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюлер ; пер. с нем. – М.: Прогресс; Универс, 1993. – 502 с.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом ; пер. с франц. – М.: ЛКИ, 2010. – 222 с.
4. Ковтунова, И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации [Текст] / И. И. Ковтунова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 3–13.
5. Майтинская, К. Е. Местоимения в языках разных систем [Текст] / К. Е. Майтинская. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
6. Николаева, Т. М. Функции русского «я» в индоевропейской перспективе [Текст] / Т. М. Николаева // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – С. 147–188.
7. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 512 с.
8. Скрытая семантика «я» [Текст] // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 147–188.
9. Alarcos Llorach E. Estudios de gramática funcional del español. – Madrid: Gredos, 1978. – 354 p.
10. Alcina J., Blecua J. M. Gramática española. – Barcelona: Ariel., 1975. – 834 p.
11. Enriquez E. V. El pronombre personal sujeto en la lengua española hablada en Madrid / Consejo Superior de Investigaciones científicas, Instituto Miguel de Cervantes. – Madrid: [S. n.], 1984. – 393 p.
12. Fernandez S. Gramática española. Los sonidos. El nombre y el pronombre. – Madrid: Manuales de Revista de Occidente, 1951. – 498 p.
13. Fontanella de Weinberg M. B. La evolución de los pronombres de tratamiento en el español bonaerense // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. – Bogotá, 1970. – T. XXV, № 1. – 333–349.
14. Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. – La Habana: Instituto cubano del libro, 1971. – 347 p.
15. Lamiquiz V. El demostrativo en español y en francés. Estudio comparativo y estructuración // Revista de Filología Española. – 1967. – T. L. – P. 163–202.
16. Lapesa R. Las formas verbales de segunda persona y los orígenes del "voseo" // Actas del III Congreso Internacional de Hispanistas (México, 1968). – México, 1970. – P. 519–531.
17. Martín Vivaldi G. Curso de redacción. – La Habana: Pueblo y educación, 1970. – 502 p.
18. Olza Zubiri J. El pronombre. Naturaleza, historia y ámbito de una categoría general. – Caracas: Univ. Católica A. Bello, 1973. – 261 p.
19. Pelly Medina M. E. Observaciones sobre la primera persona del singular y la segunda persona singular y plural // Estudios de gramática del español. Linguística. – La Habana, 1987. – P. 111–152.
20. Pottier B. Introducción a la morfosintaxis española. – La Habana: Ed. Revolucionaria ICL, 1975. – 243 p.
21. Roca Pons J. Introducción a la gramática. – La Habana: Ed. Revolucionaria ICL, 1972. – 228 p.
22. Rosengren Rosengren P. Presencia y ausencia de los pronombres personales sujetos en español moderno. – Stockholm: Ed. H. Nilson – Ehle, Romanica gothoburgensia, 1974. – 299 p.
23. Seco R. Manual de gramática española. – La Habana: Pueblo y educación, 1973. – 248 p.
24. Turell Julia M. T. La auto-referencia pronominal en el ámbito laboral juvenil // Comunicación y lenguaje juvenil. – Madrid: Fundamentos, 1989. – P. 271–291.
25. Diccionario ideológico de la lengua española. – Barcelona: Bibliograf, 1995. – 1624p.
26. El habla culta de Caracas. Materiales para su estudio. – Caracas: Instituto de Filología Andrés Bello, 1979. – 666 p.
27. Pérez-Reverte A. La reina del Sur. – Madrid: Santillana Ed. Generales, S. L., 2004. – 638 p.
28. Umbral F. Retrato de un joven malvado. – Barcelona: Destino, 1977. – 317 p.